

Н.Н. Лисовой

ЦЕРКОВЬ, ИМПЕРИЯ, КУЛЬТУРА:

ОЧЕРКИ СИНОДАЛЬНОГО
ПЕРИОДА

УДК 94(438)

Л 63

Н.Н. Лисовой

Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода. —

М.: Индрик, 2016. — 552 с.

ISBN 978-5-91674-414-9

В книге рассматриваются уникальность и преемство российской истории и культуры с точки зрения *теснейшего* концептуального и институционального взаимодействия *Церкви* (как института преимущественного державосозидающего вероисповедания) и *Империи* (как гаранта сохранения православной цивилизации). В соответствии с моделью церковно-государственных отношений в восточно-христианском византийском и поствизантийском пространстве, православность была интегрирована во все основные сферы ментальности и самостояния русского человека: социально-политическую, научно-образовательную, культурно-просветительскую, внешнеполитическую. Результатом явился феномен Православной Империи, по сути не подвергавшийся научному исследованию — как таковой, с его исторической и историософской спецификой, законами функционирования и развития, на фоне многовекового и многофакторного конфессионально-цивилизационного противостояния Запада и Востока. Наиболее ярко специфика Православной Империи выразилась в синодальный период — в противоречиях творческого и духовного поиска, в антиномизме церковного подвига и казенного «духовного ведомства», связанных однако и взаимно определяемых общими державными задачами и приоритетами.

© Н.Н. Лисовой, текст, 2016

© Издательство «Индрик»,
оформление, 2016

ISBN 978-5-91674-414-9

СОДЕРЖАНИЕ

Православие Византийское, Русское, Вселенское. Вместо предисловия	7
--	---

ЧАСТЬ 1

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: ВРЕМЯ ИМПЕРИИ И КРЕСТ ИМПЕРАТОРА

Глава 1. Таинство Империи	17
Глава 2. Церковь в Империи и Император в Церкви	33
Глава 3. «Нераздельно и неслиянно»: церковно-имперский симбиоз в отражениях светлейшего сана	49

ЧАСТЬ 2

ИМПЕРИЯ И МОНАШЕСТВО: ВЫЗОВЫ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Глава 1. Восемнадцатый век в истории русского монашества	65
Глава 2. Паисий Величковский: «Добротолюбие» и возрождение русского монашества	89
Глава 3. Святитель Феофан Затворник: путь к спасению	103
Глава 4. Век Серафима: Житие и Время	137
Глава 5. Огненный фокус: Амвросий Оптинский	166
Глава 6. Старец Макарий (Иванов): «опчина» издателей как умное делание	171
Глава 7. «Всели в себя Бога»: святой Иоанн Кронштадтский	183
Глава 8. Афон и Россия: святоотеческий завет, национальный миф или требование эпохи?	189

ЧАСТЬ 3

ПОДВИЖНИКИ ЦЕРКОВНОЙ НАУКИ

Глава 1. Откровение истории: русский вклад	199
Глава 2. Церковное Предание и историческая реконструкция	217
Глава 3. Каноны совести и свобода Церкви. Памяти епископа Иоанна Смоленского	226
Глава 4. «Освобождающая сила»: прорыв Михаила (Грибановского) и Антония (Храповицкого)	236

ЧАСТЬ 4

«СЕРДЦА, ВМЕСТИВШИЕ ВОСТОК»:

люди Русской Палестины

Глава 1. «Рыцарь Святой Земли»: А.Н. Муравьев и его наследие	261
Глава 2. Епископ Порфирий (Успенский) — основатель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме	277
Глава 3. Архимандрит Антонин (Капустин): между МИДом и Синодом	299
Глава 4. Игумен Вениамин (Лукьянов) и его подворье в Иерусалиме	328
Глава 5. А.А. Дмитриевский — летописец Русской Палестины	337
Глава 6. «Мама Черкасова»: русские школы в Бейруте	381
Глава 7. Епископ Арсений (Стадницкий) и его спутники в стране священных воспоминаний	409
Глава 8. Великая княгиня Елизавета Федоровна — от Иерусалима до Иерусалима	425

ЧАСТЬ 5

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

Глава 1. «К почести вышнего звания»: Академия Российская и Русская Церковь	457
Глава 2. «Что видишь?» (Пушкин: дуэль с веком)	477
Глава 3. «Заветные столицы» в поэзии и историософии Федора Тютчева	489
Глава 4. Понятие <i>культурно-исторического типа</i> и тема Империи в трудах Н.Я. Данилевского	518
Глава 5. Петр и Достоевский	524
Глава 6. Достоевский и Леонтьев	533
Глава 7. Князь Хилков: выбор веры (Над страницами писем бывшего толстовца и диссидента)	544
Заключение	554
Крестный ход Империи к Царству Небесному (Вместо послесловия)	558

ЧАСТЬ 1

ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО:
БРЕМЯ ИМПЕРИИ и КРЕСТ ИМПЕРАТОРА

ГЛАВА 1. ТАИНСТВО ИМПЕРИИ

Анализ типологии власти, истории и развития соответствующих структур в социуме и ценностных ориентаций в сознании органично входит в более сложный и широкий контекст «духовных основ политики», поскольку работает с универсалиями, конкретно выражающими эти «основы» в той или иной религиозно-цивилизационной модели и традиции. Современная политическая культура Китая не поддается и не подлежит исследованию без учета всего 5000-летнего китайского духовного опыта от Конфуция до Мао-Цзе-дуна. Без греческой логики и евклидовой геометрии не понятен (и не подлежит пониманию) политический строй античного полиса. Разговор о России, ее истории и судьбах, о *святотурском мире* — *Rex Sancto-Russica*, как сказал бы А.В. Карташев¹ — невозможен вне контекста *Империи*.

С самого начала договоримся о терминах. В современной исторической литературе крайне неотчетливо само понимание термина *Империя*, что напрямую связано, на наш взгляд, с отсутствием у большинства авторов (как, впрочем, и у большинства читателей) непосредственной *интуиции Империи*. Историческая и богословская концепция Империи подменяется расхожим применением данного термина к любому крупному или претенциозному государственному образованию Средневековья или Нового Времени. Говорят об «империи Карла Великого» или «Наполеона», или «кайзера Вильгельма» с тем же почтительным придыханием, как об Империи Августа и Константина, Юстиниана и Петра Великого... Даже у такого глубокого православного мыслителя и историка, как протоиерей Георгий Флоровский встречаем выражения следующего типа: «как западный, так и восточный варианты “Священной Империи” Средневековья были очевидной неудачей, одновременно утопией и компромиссом»². Удивительно, с какой легкостью серьезнейший церковный историк представляет на равных «западный» и «восточный» варианты — как будто у Империи могут быть «варианты». Как будто могут быть варианты у Истории!

Гениальный Ф.И. Тютчев еще полтора века назад писал: «Империя на Западе всегда являлась не чем иным, как узурпацией... Что такое история Запада, начавшаяся с Карла Великого и завершающаяся у нас на глазах? Это история *узурпированной* Империи. Папа, восстав против Вселенской Церкви, узурпировал права Империи, которые поделил,

¹ Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. Репринт: М., 1991. С. 46.

² Флоровский Георгий, протоиерей. Империя и Пустыня. Антиномии христианской истории // Флоровский Георгий, прот. Догмат и история. М., 1998. С. 288.

как добычу, с так называемым императором Запада. Отсюда все то, что обыкновенно случается между сообщниками. Длительная борьба между *схизматическим* римским папством и *узурпированной* Западной империей, окончившаяся для одного Реформацией, т. е. отрицанием Церкви, а для другой — Революцией, т. е. отрицанием Империи»³.

Случай Карла был недавно подробно и остроумно проанализирован в специальной работе А.В. Назаренко, полностью подтвердившего вердикт Ф.И. Тютчева. «С точки зрения политико-утилитарной созданная Карлом Великим империя была неудачным экспериментом. С исторической же точки зрения приходится выразиться жестче: она была недоразумением, идеологической фикцией, поведшей к (невольной?) узурпации, и в такой оценке вряд ли что-либо может изменить ее (этой фикции) историческая живучесть...

Напротив, апелляция к империи Карла как к историческому прецеденту *eo ipso* ставит под вопрос всю традицию империи на средневековом (и не только) латинском Западе (ср. такие позднейшие *официальные* названия, как «Священная Римская империя Германской нации», которые невозможно квалифицировать иначе, нежели *contradictio in adjecto*)»⁴.

Основным свойством той *Империи*, о которой говорим мы, является то, что Империя *одна*. Подобно тому, как А.С. Хомяков начинал в свое время трактат о Церкви знаменательными словами: «Церковь одна»⁵, — так трактат об Империи следовало бы открывать словами: «Империя одна». Никаких «Британских», «Французских», «Японских», тем паче американских, империй не существует и по самой идее Империи существовать не может.

И второе важнейшее свойство: Империя *не умирает*, лишь передает эстафету. Об этом и поговорим чуть подробнее.

...Почти в то же время, как Ромул и Рем основывали Рим, зародилась на Ближнем Востоке идея миродержавного Царства — *Царства по преимуществу*, — способного и, значит, обязанного взять на себя ответственность за судьбу и благосостояние если не всего мира, то окружающих народов. Древнеперсидская формула *xšāyaθiŋa xšāyaθiŋānām*

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. Французский текст (трактат писался по-французски): с. 217; русский перевод: с. 224. То же // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. Публицистические произведения / Составление, перевод, подготовка текстов, комментарии Б.Н. Тарасова. М., 2003. Французский текст: с. 93; русский перевод: с. 198–199.

⁴ Назаренко А.В. Империя Карла Великого — идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 20–21.

⁵ Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 5.

‘царь царей’, известная со времен Кира Великого (559–529 до Р.Х.), воспринятая греками и Библией и дожившая (в современном персидском ‘шах-ин-шах’ и эфиопском ‘ныгусэ-нэгэст’) до XX в., имела отнюдь не исключительно количественный смысл ‘властитель многих городов, многих (меньших по размеру) царств’, как часто думают, ни, тем паче, ‘царь среди других царей’, ‘первый среди равных’. Это «любимое выражение», пишет исследователь древних индоевропейских социальных терминов Э. Бенвенист, означало именно ‘царь, стоящий *над* другими царями’. «Это сверхцарская власть, как бы царская власть во второй степени, распространенная и на тех, кого остальной мир рассматривает как царей»⁶. И далее: «Закрепившееся в Иране понятие о мире, устроенном как Империя, относится не только к области политики, но и к религии. В духовном мире иранцев мир, куда попадают праведные, обозначен как хшафта ‘царство’. В этом выражении мы находим прототип того, что в эсхатологии пророческого иудаизма и в христианстве стало «Царствием небесным», — картина, отражающая в конечном счете иранские представления»⁷.

Наблюдения авторитетного лингвиста подтверждаются библейским словоупотреблением, весьма чутким к теократически и эсхатологически окрашенной лексике, — с одним, может быть, уточнением. Когда Библия именует «царем царей» вавилонского владыку Навуходоносора, жившего полувеком раньше Кира, нужно иметь в виду, что возможность использования индоевропейского по происхождению титула семантически поддерживается собственно древнесемитическим параллельным смысловым развитием. Уже в семантике аккадского тронного имени древнего *Саргона* (Шаррукена — дословно ‘царя в законе’), правившего в XXIV в. до Р.Х., заложено представление о сакрально-правовой выделенности этого как бы *единственно законного, богоизбранного*, среди прочих, *Царя*.

Скриптуральной основой для обоснования концепции Империи является как для средневековых книжников, так и для современных исследователей книга пророка Даниила с ее рассказом о таинственном «сне Навуходоносора». «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана и железные и глиняные ноги его и разбил их. <...> А камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю» (Дан. 2, 31–35).

⁶ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 255.
⁷ Там же.

Пророк Даниил дал сну следующее толкование: «Ты, царь, царь царей⁸, которому Бог Небесный даровал царство, власть, силу и славу, ты — эта золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать <...>. И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2, 37–44).

Согласно обычной православной экзегезе⁹, в пророчестве Даниила речь идет о последовательности четырех «царств»: Ассиро-Вавилонского, Персидского, державы Александра Македонского, на смену которым приходит «железное» царство римлян. В числе позднейших теоретиков Империи так интерпретировал последовательность царств цитированный выше русский поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев в своем трактате «Россия и Запад»: «Вселенская монархия — это *Империя*. Империя же существовала всегда. Она только переходила из рук в руки. Четыре Империи: Ассирийская, Персидская, Македонская, Римская. С Константина начинается пятая Империя, окончательная, — Империя христианская»¹⁰. Та, что призвана «стоять вечно»...

Есть и другая трактовка, более распространенная в протестантской библеистике, предлагающая видеть в четвертом, «железном» царстве совокупность царств диадохов, наследников Александра, или — в узком и конкретном контексте, наиболее актуальном для евреев маккавейской эпохи — державу Антиоха IV Епифана¹¹. Тогда в пятом, «нерушимом» царстве необходимо видеть Римскую Империю, иначе Рим вообще выпадет из историософской перспективы.

Между тем поучительно, что мифологема *эстафеты империй* не представляет собой сугубо библейского конструкта, античные историки также не были чужды подобных представлений. Более того, может быть,

⁸ Обратим еще раз внимание на это титулование: откровение Божие о Вечной Империи дается именно «царю царей». В эфиопской средневековой агиологии высказывалась даже и богословски аргументировалась мысль о канонизации Навуходоносора. См.: Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 10.

⁹ Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 7. СПб., 1910. С. 24–25.

¹⁰ Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988. С. 224.

¹¹ См. подробнее, с указанием литературы: Назаренко А.В. Русское национально-государственное самосознание между Царством и Церковью // Восточнохристианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире. М., 2001. С. 83.

эллинистические предчувствия Христа и Империи не меньше, чем отмеченные выше иранские, отразились в концепции книги Даниила, одной из позднейших по происхождению в ветхозаветном каноне.

Люций Ампелий, римский историк последней четверти III в. (его относят к числу так называемых «малых историков»), в своей «Памятной книжице», очень небольшой, в X главе, «Об империях», пишет: «Согласно воспоминаниям в минувшие века было семь империй. В первой верховной властью обладали ассирийцы, затем — мидяне, потом — персы, позднее — лакедемоняне (Спарта), затем — афиняне, далее — македоняне, и, наконец, — римляне»¹². Бросается в глаза, что счет империям совсем другой, хотя отдельные элементы в списке толкователей Даниила и списке Л. Ампелия совпадают. Так, Персидская империя в последнем случае поделена надвое — царство Мидийское и Персидское, хотя исторически невозможно провести грань между тем и другим¹³. Вместо того, чтобы сразу после персов назвать Александра Македонского, сокрушившего их владычество, Ампелий вставляет еще два древнегреческих государственных союза: спартанцев (лакедемонян) и афинян.

Очевидно, само число империй, указанных Л. Ампелием, имеет для него некий пифагорейский, во всяком случае, сакральный смысл — интуиция, естественная для древних историков. Он искусственно «подгоняет» число империй так, чтобы их насчитывалось семь, чтобы сакрально выделенная *седьмая*, Римская, могла рассматриваться как завершающая и вечно продолжающаяся стадия исторического процесса.

Так или иначе, в библейском контексте Даниила или в пифагорейском Ампелия, речь идет о том, что всегда существовала и должна существовать некая универсалия исторической и политической жизни, которая называется Империей. Если ее нет, значит, нет в мире некоего определяющего и направляющего стержня. Это то же самое, что солнечная система без солнца. Библейское и опирающееся на него христианское понимание истории дает единственную и наиболее глубоко обоснованную религиозную санкцию Вечной Империи.

Русский писатель первой половины XVI в., инок псковского Спасо-Елеазарова монастыря старец Филофей в своем «Послании зело полезном» эту мысль сформулировал так: «Ромейское (Римское) Царство неразруσιμο, яко Господь в Римскую Власть написася»¹⁴.

¹² Люций Ампелий. Памятная книжица // Малые римские историки. М., 1997. С. 201.

¹³ Кстати, Э. Бенвенист в своем этимологическом анализе подчеркивает мидийское, по его мнению, происхождение формулы «царь царей» (Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 255), да и автором первой использующей эту формулу надписи был Дарий Мидянин.

¹⁴ Цит. по: Синицына Н.В. Третий Рим. М., 1998. С. 343.

Автор имел в виду свидетельство Евангелия о том, что Христос родился в царствование первого римского императора Августа и был «вписан» при нем в римское подданство (перепись в Вифлееме). Евангелист Лука пишет: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квирина Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить ей. И родила Сына Своего Первенца» (Лк. 2, 1–7). В Евангелии нет случайных слов, нет лишних указаний. Рассказ Евангелиста может быть в историософском плане осмыслен единственным образом: Господь Иисус Христос не родился бы в Вифлееме, не родился бы (как Христос) вовсе (ибо Христу *надлежало* родиться в этом городе) — если бы... Если бы император Август не повелел «сделать перепись по всей земле», если бы не было вообще Императора Августа, если бы он не был провозглашен за 27 лет до этого Императором и посвяtitельные надписи по всей Империи не приветствовали бы этого события как «пришествия спасителя мира»... Словом, если бы не было вообще *Империи*.

Церковь подчеркивает связь этих двух эпохальных событий — Рождества Спасителя в Вифлееме и рождения Империи в Риме — в самом рождественском богослужении.

В знаменитой стихире инокини Кассии поется:

Августу единоначальствующу на земли
 Многоначалие человеков преста:
 И Тебе вочеловечшуся от Чистыя,
 Многобожие идолов упразднися.
 Под едином царством мирским гради быша,
 И во едино владычество Божества языцы вероваша¹⁵.

В современном русском переводе: «Когда Август один властвовал (в греческом оригинале: *μοναρχήσαντος*. — *Н.Л.*) на земле, прекратилось у людей (*ἀνών* — дословно ‘безрассудных’) многоначалие (по некоторым толкованиям, под «многоначалием безрассудных» Кассия,

¹⁵ Служба Рождеству Господа нашего Иисуса Христа // Миния праздничная. Изд. Московской Патриархии. М., 1970. С. 203. О стихире и ее авторе см.: Скабалланович М.Н. Рождество Христово. Киев, 1916. (Христианские праздники. Кн. 4). Репринт: СТСА, 1995. С. 77–78; Монахиня Игнатия. Церковно-песнотворческие труды инокини Кассии // Богословские труды. Сб. 24. М., 1983. С. 323–324.

вероятно, имела в виду власть триумвиров¹⁶, но скорее речь здесь идет о политической раздробленности безрассудного человечества в целом и о демократических режимах в частности. — Н.А.), и когда Ты, Христос, воплотился от Девы Марии, исчезло языческое многобожие. Государства подчинились единому Всемирному Царству, народы уверовали в единого Владыку Бога». Рождество Христово как бы «санкционирует», сообщает сакральный смысл сформировавшейся к тому же времени Империи. И наоборот, Рим, от самого основания, от Ромула и его Волчицы, для того лишь как будто и нужен был Божественному Промыслу, чтобы, обняв собой мир («Рим — весь мир»), сделать *всемирным* рождение Богочеловека. И Христос действительно «написался в Римскую Власть», по простодушному речению Филофея, — т. е. вписался в Империю, в глубинный смысл и содержание Истории. Потому и возможна эстафета Империи, живо и бессмертно само существо, можно даже сказать, *таинство Империи*, связывающее неведомым — но благословенным — образом Капитолийскую Волчицу с Двуглавым Орлом Кремля.

Лучшим подтверждением сказанному является отношение к Империи и Императору святых апостолов и первых христианских писателей. Говоря об отношении Церкви к власти, обычно цитируют прежде всего Послание апостола Павла к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13, 1–2). И апостол Петр говорит: «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Пет. 2, 17).

О какой власти, о каком царе говорят апостолы? Странно подумать, но речь идет об императоре Нероне. Да, том самом Нероне, убийце и развратнике, жестоком гонителе христиан, который первым в свое время «сподобился», чтобы имя его расшифровывалось как апокалиптическое «число зверя».

Аналогичное отношение к Империи проявляют ближайшие ученики апостолов. Святой Климент, папа Римский, в свое «Послание к Коринфянам» включает молитву о здравии и процветании правителей Империи: «Дай нам, Господи, покориться имени Твоему, всемогущему и пресвятому, а также тем, кто правит и повелевает нами в мире сем. Ибо это Ты, Господи, чудесною и несказанною силой Своей даровал им власть... Дай им, Господи, здравия, мира и согласия, дабы беспрепятственно могли нести они бремя доверенной Тобою власти»¹⁷.

О ком молится святой Климент? Об Императоре Домициане. Том самом, который начал уже — к моменту написания Послания — свои

¹⁶ Скабалланович М.Н. Рождество Христово. С. 77.

¹⁷ Цит. по: Бедуэлл Г. История Церкви. М., 1996. С. 62.

знаменитые, «домициановы» гонения против христиан. Таким образом, и первоверховные апостолы Петр и Павел, и преемник Петра Климент призывают «читать» Императора и молиться за него, *независимо* от того, каков его нравственный облик, как он относится к христианам и Церкви. Едва ли прав современный церковный историк, думающий, что молитва эта «продиктована заповедью о прощении врагов» и отражает «надежду многих христианских поколений на то, что и они в конце концов смогут пользоваться благами мира и согласия»¹⁸. Дело здесь, конечно, не в «прощении врагов», даже вряд ли в «надежде поколений». Несомненно, и Петр, и Климент *уже* видят в Империи реальное религиозное содержание, как видел его Даниил в «царе царей» Навуходоносоре. «Блага мира и согласия» — это *результат* функционирования Империи, а сакральный смысл ее существования — обеспечение некоего (в той или иной форме, в том или ином смысле, языческом или христианском) «пространства спасения» всем людям и всем народам. При этом смысл христианский — и христианское спасение, и христианская Империя — не отменяет и не зачеркивает механически языческого, но поглощает и углубляет его. В толщу языческих верований уходят корни упования христиан.

Вспомним и ситуацию из книги Деяний святых апостолов. После первой же беседы с прокуратором Иудеи Фестом апостол Павел заявляет: «Требую суда кесарева» (Деян. 25, 11). И Фест обещает: «К кесарю и отправишься». Последние главы книги посвящены путешествию Павла в Рим, на суд кесаря. Приходом в Рим Дееписатель (православная традиция отождествляет его с Евангелистом Лукой) завершает свою книгу, хотя мог бы затем рассказать и о пребывании Павла в столице Империи, и о последующем благовестническом путешествии в Испанию, и о возвращении в Рим, и о двух судах над ним... Но Евангелист Лука предпочитает закончить рассказ эпизодом прихода в Рим. Случайно ли? Или, как и сам Павел, он считает, что история евангельской проповеди, история рождения Церкви *уже завершилась* — самим фактом прибытия в Рим? Пространство Евангелия совпало с пространством Империи.

У Церкви единый Глава — Христос. Не патриарх, не папа, не император. Но в Империи живет своя тайна — отличная от той, что одушевляет Церковь, но столь же священная, ибо созидает, как мы сказали выше, *пространство спасения*, ведет мир — своими особыми, *волчьими* и *орлиными* путями — к тому же Царствию Божию. И как благодать таинства церковного не зависит и не оскудевает от личного недостойнства преподающих его священников, так и *благословение царства* не зависит от личности царя, императора, — людей слабых, безвольных, грешных...

¹⁸ Там же.

Более того, как харизма святости посещает, даже чаще, людей мало или вовсе не «сановитых» в Церкви, так *харизма власти* пробивается, как родник, по воле Промысла, порой в самом неожиданном и явно неподходящем месте. Если что нужно Истории — значит, нужно Богу.

Кстати, о Константине и его Империи. Если думать, как считал Ф.И. Тютчев, что Империя Константина и есть та *пятая* миродержавная власть, о которой пророчествовал Даниил, возникает вопрос, как разграничить и *возможно ли* разграничить власть христианскую и власть дохристианскую, языческую внутри самой Константиновой Империи. Ведь все мы помним, что Константин лично принял христианское крещение лишь на смертном одре, что победу — силой Креста — над Максенцием он одержал еще будучи *язычником*, что миланский эдикт с Лицинием он подписал *язычником*, что на Первом Вселенском Соборе в Никее он председательствовал и участвовал в богословских дискуссиях *язычником*... Может быть, *оглашенным*, но уж точно не *крещеным*.

Следовательно, религиозный долг и религиозное призвание Императора не связывалось в его сознании непосредственно и во всяком случае однозначно с личной принадлежностью к Церкви. Император в его представлении, как и в представлении многих поколений его преемников, был *свят* сам по себе, независимо от суждения на этот счет иерархов, патриархов, Церкви в целом. Императоры (до Льва I Макеллы, до 457 г.) не совершают коронования, императоры (до Палеологов, до XIII в.) *не знают* помазания. «Не знают» — в том смысле, что *не нуждаются* в нем. Пипин Короткий (754 г.), а за ним и другие западноевропейские монархи нуждаются — по своей нелегитимности. Римский и Византийский Император — не нуждается¹⁹.

Сам Константин так говорит о призвании императорской власти: «Ставлю в свидетели Самого Бога, что во всех своих действиях я руководствовался двумя побуждениями. Во-первых, я предположил представление всех людей о Божестве соединить как бы в один общий строй; во-вторых, возвратить прежнее здоровье телу всей ойкумены, пораженному как бы некоею тяжкою болезнью» (разумеется отсутствие единства в Империи)²⁰. Иными словами, сакральным смыслом Империи он действительно считает обеспечение для подданных того, что мы называли выше «пространством спасения».

¹⁹ Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1994. С. 631–636. См. подробнее: Успенский Б.А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1988. С. 109–143; он же. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 25–26.

²⁰ Цит. по: Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. Изд. 3. СПб., 1904. Репринт: М., 1994. С. 328–329.

В последнее время у нас много говорят о «симфонии», о соотношении «царства» и «священства». Первым заговорил о соотношении священства и царства папа Геласий в послании императору Анастасию в 491 г. Это тот самый Геласий, который впервые был назван на Соборе в Риме в 495 г. «наместником Христа на земле».

«Ведь этим миром, Император, правят две силы — священный авторитет духовенства и царская власть, — писал в своем послании папа. — И из этих двух сил большим весом обладают священники, поскольку на суде они будут давать Господу отчет и за самих царей. Ибо известно тебе, кротчайший сын, хотя ты и вознесен над всем человеческим родом, но перед духовными руководителями и тебе надлежит благочестиво склонять голову»²¹. И дальше, развивая свою мысль, первосвященник писал: «Если перед всеми вообще священниками должны склоняться сердца верующих, насколько больше почет положен предстоятелю Римского престола, кого божественная власть пожелала возвысить над всеми, а впоследствии восславил благочестие всей Церкви»²².

Итак, позиция заявлена. Во-первых, священство выше царства, во-вторых, во главе священства, всей священной власти стоит авторитет Римского престола. Учение папы Геласия легло в основу всей последующей парадигмы решения вопроса о церковной и светской власти на Западе.

Какова при этом позиция Востока? Если мы откроем Евсевия Кесарийского, главного идеолога Империи Константина, то найдем у него совсем другую, диаметрально противоположную мысль.

«Было время, когда мир был разделен по народам и областям на огромное множество владений, тираний и княжений. Отсюда — постоянные войны с грабежами и хищениями. Это разделение основывалось и на различии божеств, почитаемых в разных странах. Нынче же, когда Крест — орудие спасения и трофей победы — явился на земле, дело демонов, т.е. ложной эпохи, распалось прахом, и вместе с тем окончилась пора тираний, княжений и республик. В одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, — это Римская империя и Христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении. Уже греки, варвары и народы, обитающие в самых отдаленных странах, услышали голос истины, но этим не ограничивается область завоеваний — область распространения ее господства идет до пределов земли: весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром»²³.

²¹ См. параллельный латинский и русский текст в кн.: Задворный В.А. История Римских Пап. Т. 2. М., 1997. С. 28.

²² Там же. С. 28–29.

²³ Цит. по: Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 1. С. 23–26.

На первый взгляд, речь идет об одном и том же: два ростка — одновременно родился Христос и Август стал Императором, одновременно возникли Империя и Христианская Вера, и предназначены они к тому, чтобы одновременно и вместе покрыть собой весь мир. Но в послании папы Геласия сказано примерно так, что, мол, «ты, Император, должен склонить голову передо мной, Папой, и почитать меня, Папу». У Евсевия сказано, что весь мир должен склониться перед императорским скипетром.

Так, с самого начала намечается противоречие в исходной парадигме. На Востоке говорится: пусть будут разные религии, пусть будут разные конфессии, разные культуры — армянская, коптская, греческая, — лишь бы под одним Императором, в одной Империи. Вот парадигма Востока: «Церковь в Империи». При вырождении, «Церковь в царствах, королевствах, княжествах». Или, при дальнейшем вырождении, «Церковь в государстве» (в том числе в атеистическом, советском, постсоветском, постдемократическом). Но всегда «в». Как в орехе: Церковь — ядро, Империя — скорлупа. Друг без друга они не существуют.

Формула Геласия и позднейших правоведов Запада будет противоположная: пусть будут разные империи, разные императоры, лишь бы религиозно все они подчинялись единому Римскому престолу. Соответственно, западная парадигма: «Империя в Церкви». Но Империя в Церковь не вмещается — и не вместились. С самого начала речь на Западе шла и могла идти лишь о вырожденных, неподлинных случаях: псевдоимперии Карла Великого и Оттонов, Габсбургов, Наполеона, Бисмарка... Дальнейшее вырождение — «Республика в Церкви», с неизбежным затем *отделением* Церкви от государства, или, точнее, отпадением государства от Церкви.

В тот момент, когда, по преданию, последний из крупных готских королей Тотила приказал изгнать всех римлян из Рима, в этой пустой реторте римской государственности был зачат гомункулус Римской папской власти. Идея Империи была переплавлена в идею Папства, универсального подчинения христианского человечества римскому папскому престолу. Как скажет русский поэт:

Орлиная разжалась лапа —
И выпал мир. И принял папа
Державу и престол воздвиг²⁴.

А это означает, что идея *Империи* с Запада ушла. Идея Империи — как и сама Империя — осталась лишь на Востоке²⁵. Настала эпоха Ромейской Державы в Константинополе.

²⁴ Волошин М.А. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 166.

²⁵ Ср.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Федор Иванович Тютчев. Книга первая / Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 218, 222, 224.

Пролистнем тысячу лет. В продолжающем Рим и Византию русском сакрально-правовом и государственном имперском пространстве происходят не менее интересные и не менее таинственные вещи. Если впервые слово «царь» встречалось в русских источниках применительно к Ярославу Мудрому, то в следующий раз — лишь применительно к Димитрию Донскому. Русь действительно все эти века считает себя как бы в вассальных отношениях к Империи, к Византии. Но по мере того, как в Константинополе «царя», образно говоря, становилось все меньше, и сама Империя, как шагреновая кожа, стягивалась к стенам Константинополя, а Русь, наоборот, набирала силу, «царя» становится больше в Москве. Потому Епифаний Премудрый и называет свое произведение «Повесть о житии и смерти *царя* нашего Димитрия Ивановича». В 1547 г. Империя, уже «прописанная», хотя для всех пока неявным образом, на Руси, делает следующий шаг: на престол венчается семнадцатилетний царь Иван Васильевич Грозный.

Что же произошло на Руси между смертью Димитрия Донского и венчанием на царство Ивана Грозного? В древнем русском Пскове, в Спасо-Елеазарове монастыре, упоминавшийся уже нами старец-монах Филофей произнес свою знаменитую формулу: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»²⁶.

Его читателям было понятно, почему не быть. Здесь не претензия Москвы (России) на какую-то особую миссию в истории. Суть не в претензии, а в *ответственности*. Когда Филофей писал, что «четвертому не быть», он имел в виду очень простую вещь: «Мы — последний окоп, отступать некуда; если мы погибнем, кончится Империя, кончится христианская цивилизация. В этом смысле, за нами уже ничего нет, полная “фукуяма”, конец Истории». Пока же существует Империя, и последние бойцы помнят, что Москва — Третий Рим, значит, для мира не все потеряно.

Ведь и Рим, создавая Империю, не «для себя» старался. Рах Романа — величественное сознание ответственности Града за Мир. И Рим жертвенно предал себя на растерзание готам, вандалам, лангобардам, кому угодно, — чтобы была передана священная эстафета. Эстафета Империи была передана Константинополю. И новый Царь-Град тоже старался «не для себя». Речь шла о том, что Империя есть служение Богу. И когда последний из Византийских императоров Константин XII погибнет при штурме Константинополя, он будет уже знать о бывшем накануне видении. В ночь на праздник Константина и Елены, на 21 мая 1453 г., над Царьградом было явление: была тьма, была ночь, и вдруг из сорока окон барабана Святой Софии вырвались языки пламени, свились

²⁶ Подробнее: Лисовой Н.Н. Три Рима: таинство Империи // Три Рима / Сост. Н.Н. Лисовой. М., 2001. С. 12–13.

в огненный шар, вознеслись и исчезли в небе. Наутро Патриарх сказал, что город обречен. Ангел Софии покинул город²⁷. А лет через 20–30 на иконах московского и новгородского письма появляется так называется София Огнезrachный Ангел — тот самый Огненный Ангел, та самая София, которая направляет жизнь народов и бытие Империи, потому что, по одному из толкований, София и есть Ангел-Хранитель мировой истории, Ангел-Хранитель Империи. Так что венчался бы на царство Иван Грозный или нет, а Империя уже на Руси существовала, уже родилась в псковской обители формула «Москва — Третий Рим», где-то писали уже первые, еще робкие иконописцы Огнезrachную Софию. Эта иконография рождается вместе с Российской Империей, как преемницей Византийской. И Иван Васильевич своим венчанием на царство только подтверждает, что Россия — *уже* Царство, Москва — *уже* Рим, София Константинопольская *уже* перелетела на Русь.

И что происходит дальше? Немедленно Восточные Патриархаты, включая Константинопольский, направляют своих послов в Новую Державу, требуя заступничества и помощи. То есть функция Православного Императора, блюстителя веры и защитника Церкви, перешла автоматически к Царю Московскому. Не он их «объявил», узурпировал. Они, Патриархи, на Востоке, их *увидели* и пошли за помощью. И к сыну Грозного, царю Феодору Иоанновичу, уже приезжает сам Патриарх Константинопольский и просится: «Хочу быть Патриархом Московским, хочу перенести в Москву Вселенскую Патриархию»²⁸.

...А потом будет Петр Великий. Именно он по-настоящему сделал Москву, Россию Третьим Римом. Единственный в мире противовес, который существует и противостоит западному миру — его создал Петр Великий²⁹. Неудивительно, что он же восстановил и титул, первым назвал себя Императором.

...Естественно, при этом полностью подчинив себе Церковь. И здесь мы возвращаемся к нашей проблеме: отношения Церкви и Империи.

Как мы показали выше, при сопоставлении парадигм Евсевия и папы Геласия, восточная формула соотношения двух начал может быть кратко обозначена как «Церковь в Империи». При вырождении, «Церковь в царствах, королевствах, княжествах». Или, при дальнейшем

²⁷ Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Три Рима. М., 2001. С. 203–224.

²⁸ Подробнее: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями). 1588–1592 гг. / Подготовка текста М.П. Лукьянова и Н.М. Рогожина. М., 1988. С. 35–37.

²⁹ Достоевский Ф.М. Утопическое понимание истории // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май–октябрь. М., 1981. С. 46–50.

вырождении, «Церковь в государстве» (в том числе в атеистическом, советском, постсоветском, постдемократическом). Но всегда «в».

Западная парадигма, заданная папой Геласием: «Империя в Церкви». Но Империя в Церковь не вмещается — и не вместилась. С самого начала речь на Западе шла и могла идти лишь о вырожденных, неподлинных случаях: псевдоимперии Карла Великого и Оттонов, еще более «псевдо» Габсбургов, Наполеона, Бисмарка... Дальнейшее вырождение — «Республика в Церкви», с неизбежным затем *отделением* Церкви от государства, или, точнее, отпадением государства от Церкви.

Но вернемся на православный Восток с его неизменной парадигмой «Церковь в Империи». Позднейшим ее православно-каноническим обоснованием является наречение себя Константином «внешним епископом» (325 г.) и, разумеется, столь же часто, как апостольское «еще не от Бога», цитируемая преамбула к шестой новелле Юстиниана (535 г.).

Напомним то и другое. Как сказано у В.В. Болотова в «Лекциях по истории Древней Церкви», по завершении трудов Первого Вселенского Собора в Никее (325 г.), «за обедом, который император дал отцам Собора, он сказал им: “вы — епископы внутренних дел Церкви, я — поставленный от Бога епископ внешних дел”»³⁰. Разумеется, Император не собирался присваивать сакраментальной, тайносовершительной и внутренней власти в Церкви. Он, скорее, имел в виду исконное, этимологическое значение слова Епископ — ‘назиратель’. Смысл его высказывания можно передать так. «Вот, вы поставлены от Бога Епископами в Церкви, а я поставлен Богом “Епископом” над вами — блюсти и назирать, охранять и направлять вашу священную деятельность от имени церковного народа и государства».

А вот формулировка VI новеллы: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят из одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет *доброе согласие* и все, что есть доброго и полезного, будет даровано человечеству. Мы заботимся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве, а также обрести то, чего еще не достигли».

Обрываем цитату. И обратимся к комментарию цитированного уже нами Г.В. Флоровского. «Юстиниан говорил, — пишет он, — не о Государстве и Церкви, а о двух служениях или двух представительствах,

³⁰ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. С. 50.

установленных в Христианском Содружестве (откуда взялся вдруг подобный термин? — *Н.Л.*). Они были равно утверждены Божией властью, с единой конечной целью. Как «дар Божий», царство (*imperiū*) независимо от священства. Но оно зависимо и подчинено по отношению к той Божественной цели, ради которой создавалось... Хотя Империя как таковая не подчинялась Иерархии, она все же подчинялась Церкви (где об этом сказано в тексте новеллы? — *Н.Л.*), которая была установлена Богом для хранения Его истины. Другими словами, царство было «законно» только *внутри* Церкви» (курсив Г.В. Флоровского. — *Н.Л.*)³¹.

В оригинале, как мы только что видели, не упоминается, естественно, никакого «содружества», сказано, что оба священных дара «происходят от одного источника» (а не «равно утверждены Божией властью»); сказано, что «цари пекутся о благочестии духовенства» (но не наоборот; духовенство лишь «постоянно молится за них Богу»); императоры («мы») заботятся «о хранении веры и о благоустроении священства» (но не духовенство заботится о хранении Империи). Иными словами, все утверждения Императора, образно говоря, «антисимметричны»: священство и царство могут находиться в добром согласии (симфонии) лишь *внутри* Империи (курсив наш) — в полном противоречии с «толкованием» о. Георгия. Более того, сами выражения типа «мы заботимся», сам факт издания новеллы, как и других государственных законов, касающихся Церкви, императорской волей и властью, свидетельствуют о безусловной *выделенности* Империи по отношению к *внутри нее* совершающей свое спасительное служение Церкви. Невольно возникает вопрос: а не является ли сама «симфония» кабинетным изобретением канонистов, активно возрождаемым в современной православно-монархической византистике?

Сакральный статус власти и государственный статус религии в римской парадигме связаны неразрывно. Они сохраняются во Втором Риме — Константинополе и Третьем Риме — Москве. Г.В. Флоровский, может быть, ближе и точнее всех подошел к проблеме, но увидел здесь болезненное, подлежащее врачеванию противоречие («неудачу Священных Империй»), а не живую движущую антиномию, с которой надлежит жить, а не пытаться «преодолеть ее».

Николай Чудотворец — и равноапостольный Константин, язычником председательствующий на I Вселенском Соборе и объявляющий себя «внешним епископом»... Грубый солдат Маркиан — и отцы IV Халкидонского Собора, решающие тончайший вопрос о соединении двух природ во Христе (и в Церкви, и в Империи)... Священномученик митрополит Филипп — и его мучитель, «самодержавнейший и благочестивейший» Иоанн

³¹ Флоровский Георгий, протоиерей. Империя и Пустыня. С. 268.